

Этот факт не единичен. Верность вывода можно проиллюстрировать следующим примером. Не так давно формируется новая математическая теория, получившая название квантовой математики. “Появившаяся лет десять назад квантовая математика не предназначена, вообще говоря, для каких-либо приложений в квантовой физике (хотя и может их иметь), а напротив, отражает влияние идей, заимствованных из квантовой физики в математику” [13]. Согласно этой теории “все математические понятия, оказываются, допускают разумную в некотором смысле деформацию, так что при $h=0$ продеформированный объект превращается в обычный, а при отличных от нуля значениях параметра имеет качественно другие свойства” [14]. Например,

$$x(x-h)(x-2h)\dots(x-(n-1)h)=X^n \quad (1),$$

где h – обычно называется постоянной Планка и считается малым.

Если пользоваться принципами классической математики, то левая часть (1) не должна быть равна ее правой части. Формула (1) выражает некоторый процесс становления “ x ”.

В данном случае мы наблюдаем не только тот факт, что математика стала черпать идеи из естествознания, но и смену парадигм в самом построении математики. “Новый стиль мышления связан с формированием новой картины мира, в которой мир представлен самоорганизующимся как в целом, так и на многих уровнях своего существования. Это обстоятельство меняет принятые в математическом естествознании идеалы объяснения. Теоретическое освоение процессов самоорганизации сделало предметом своего рассмотрения изменчивое существование в его становлении и преходящести, в то время как неклассическая физика вслед за классической была ориентирована на поиски сущности, причем универсальность сущностных законов продолжала трактоваться как выражение субстанциональной неизменности искомой сущности” [15].

Идеи синергетических принципов, заимствованные из естествознания, приводят к расширению предмета математики, и, по мнению, многих специалистов, отдающих предпочтение синергетике, “снимает жесткие разграничения между естественнонаучным описанием живой и неживой природы, что свидетельствует о более адекватном понимании реальности” [16].

Достаточно очевидна мысль о том, что математика и научная картина мира находятся в тесной связи, и эта связь была продемонстрирована в смене парадигм: изменение научной картины мира тут же влекло за собой новое “лицо” математической теории, и наоборот – другое понимание математического знания рождало новую математическую модель, и как следствие – новую научную картину мира. Следует отметить, что в настоящее время именно *научная картина мира становится поставщиком идей для развития математики*. На рубеже XX века наметилась новая тенденция, и она может быть востребованной уже в XXI веке, который сбросит вериги модерна и постмодерна, сделав заявку на утверждение новых принципов рационализма.

Источники и литература

1. Математическая энциклопедия. / Под ред. И. М. Виноградова. – М.: Сов. энциклопедия, 1982. – Т. 3. – С. 560.
2. Платон. Сочинения в трех томах. / Пер. с древнегреч., под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1968. – Т. 1. – С.392–393.
3. Там же.
4. Шоркин А.Д. Схемы универсумов в истории культуры: опыт структурной культурологии. – Симферополь, 1996. – С. 55.
5. Платон. Сочинения в трех томах. / Пер. с древнегреч., под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3 (1). – С. 340–341.
6. Шоркин А.Д. Схемы универсумов в истории культуры: опыт структурной культурологии. – Симферополь, 1996. – С. 55.
7. Скирбекк Г., Гилье Н. История философии: Учеб. пособие для Вузов/ Под ред. С.Б. Крымского. –М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – С. 324–325.
8. Галилей Г. Пробирных дел мастер. / Пер. с Ю. А. Данилова. – М.: Наука, 1987. – С. 41.
9. Галилей Г. Избранные труды в двух томмах. – М.: Наука, 1964. – Т.2. – С. 243–244.
10. Скирбекк Г., Гилье Н. История философии: Учеб. пособие для Вузов/ Под ред. С.Б. Крымского.– М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – С. 324–325.
11. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Образ и действительность. / Пер. с нем. Н. Ф. Гарелина. – Минск: ООО Попурри, 1998. – Т. 1. – С. 96–97.
12. Международный конгресс математиков в Беркли, 1986: Обзор. доклады. / Пер. с нем. и англ. В.М. Тихомирова. – М.: Мир, 1991. – С. 397.
13. Арнольд В.И. Международный математический конгресс в Берлине // Вестник Российской Академии наук. – 1999. – Т. 69. – №2. – С. 166–167.
14. Там же.
15. Добронравова И. С.. Нелинейное мышление в постнеклассической науке./ Totallogy. Постнекласичні дослідження. – Київ, ЦГО НАН України. – 1995. – С. 184.
16. Там же. – С. 186–187.

Шевелева И.П.

ЭТНИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

Понятие архетипа и коллективного бессознательного всегда привлекали немалое внимание исследователей различных областей знаний. Сама идея архетипа по свидетельству К.Г. Юнга восходит к временам

античности, когда в *Corpus Hermeticum*, относящемуся примерно к третьему столетию, высказывается мысль, что бог есть «праобраз» всякого света, который предшествует и надстоит над феноменом «света» [2, с.211]. В настоящее время архетипы рассматриваются в качестве праобразов, присущих всему человеческому роду, некоторых априорно данных возможностей определенной формы представления. Понятие «коллективное бессознательное», вызывающее немало недоразумений, К.Г. Юнг определяет как часть психики, которую необходимо отделить от личного бессознательного по той причине, что оно не обязано своим существованием личному опыту и потому не является личным приобретением. В то время как личное бессознательное состоит из содержаний, которые одно время были сознательными, но потом исчезли из сознания, потому что были забыты или вытеснены, содержания коллективного бессознательного никогда не были в сознании и никогда никоим образом не были приобретены индивидуально, но обязаны своим бытием исключительно унаследованию [1, с.84]. Коллективное бессознательное состоит из пресуществующих форм, архетипов, которые лишь вторично могут стать сознательными и придать содержаниям сознания четко очерченную форму. Теория коллективного бессознательного дает возможность объяснить схожесть мотивов в мифологиях народов, значительно отдаленных друг от друга в пространстве. Наука 19 века часто пыталась представить такое сходство исключительно следствием миграций, в процессе которых заимствовались и перерабатывались народом-реципиентом мифы, характеризующие культуру-донора. Однако эти объяснения очевидным образом не работали в таких случаях, когда речь шла о разительном совпадении мифов народов весьма отдаленных не только в пространстве, но и во времени. В 20 веке причину повсеместности того или иного мифологического мотива стали искать в нем самом. Много споров и теорий породил факт периодичности и повторяемости исторических событий, когда было выявлено, что некоторые явления античности имеют свои средневековые параллели, причем их структура значительно коррелирует между собой. Теория коллективного бессознательного дает ключ к пониманию как психических процессов, так и развития истории. Бессознательное оказывает детерминирующие влияния, которые (независимо от того, кому они пересылаются) обеспечивают схожесть как опыта, так и представлений у индивидов и социальных групп. Архетипы не распространяются благодаря традиции, языку и миграции, они способны спонтанно возникать вновь и вновь, во всякое время и повсеместно.

В своих трудах, посвященных психоанализу, К.Г. Юнг проводит последовательное доказательство существования сферы коллективного бессознательного, сравнивая ее с теорией инстинкта. Каждый человек без особых колебаний согласится, что его поведение во многом определяется инстинктами, несмотря на рациональную мотивацию разума. В этом контексте вполне резонно звучит утверждение, что наша фантазия, мышление и восприятие в равной мере подчинены влиянию формальных признаков, врожденных и наличествующих у всех представителей рода человеческого. Инстинкты являются специфически оформленными силами влечения, которые преследуют свои имманентные цели задолго до становления сознания и невзирая на степень осознанности [1, с. 86]. Так, они понимаются как аналоги архетипов, из чего можно сделать вывод, что архетипы представляют собой модель и образец инстинктивного поведения.

Архетип – это гипотетическая конструкция, явление, само по себе непознаваемое. Обнаружить его можно только по его манифестациям или проекциям. Архетип в спокойном, непроецированном состоянии не имеет никакой точно определенной формы, т.е. является формально неопределенной структурой, которая, однако, имеет возможность проявляться в определенных формах при помощи проекций. Проекция же представляет собой бессознательный, автоматический процесс переноса бессознательных содержаний субъекта на объект, отчего кажется, что они принадлежат объекту [1, с.106]. Так, содержательно архетип определяется только тогда, когда он осознан и потому наполнен материалом сознательного опыта. Наследуется же не этот материал, а формы, некая априорно данная возможность определенных форм представления. Архетип также принято сравнивать с осевой системой кристалла, поскольку система осей определяет только стереометрическую структуру, но никак не конкретный облик какого-то конкретного кристалла, и при этом не обладает вещественным бытием. Сам кристалл может быть больше или меньше, варьировать из-за различий в формировании своих поверхностей, константной является лишь система осей. Так и архетип, «его можно назвать в принципе и он обладает невариабельным ядром значения, которое всегда только в принципе, но никоим образом не конкретно предопределяет способ его проявления» [2, с.217].

Наличие архетипа вообще нельзя доказать до тех пор, пока мы не столкнемся с его конкретным проявлением. Однако необходимо иметь в виду, что это проявление не есть архетип, а одна из бесчисленного множества его форм, прорывающихся в сознание человека, из бессознательного. Сам же архетип принадлежит исключительно области бессознательного, и потому не может быть познан. В каком бы образе он ни предстал, будь то солнце, младенец или дева, в какую бы словесную форму его не облекли, пытаясь познать его суть, каждый раз это будет одна из возможных вариаций, а ядро архетипа неизменно ускользает, обеспечивая тем самым его неуязвимость.

Одной из важнейших функций архетипа является психологическая защита человека от внешнего мира, нечто, обеспечивающее возможность гармонии между настоящей жизнью и опытом предшествующих поколений, памятью веков, между сознанием и всем, что лежит вне его, прежде всего личным и коллективным бессознательным.

По мере изменения степени культурного развития общества, его представители неизменно сталкиваются с необходимостью привести в соответствие с современными условиями существования тот бессознательный опыт, который наследуется в непрерывном потоке смены поколений. Каждая ступень в развитии предполагает определенную ценностную ориентацию, и, адаптируясь к имеющейся иерархической системе ценностей, меняются архетипические образы, становящиеся достоянием сознания.

Сходство мифологических мотивов народов, разделенных как временем, так и географическим пространством, подтверждающее наличие архетипов, тем не менее, не является полным, не подлежит сомнению факт отсутствия абсолютно идентичных мифов. Это наводит на мысль, что определенное влияние на характер проявлений архетипа оказывает этнический фактор.

Одним из фундаментальных понятий этнопсихологии можно считать этнические константы, которые

так же, как и архетипы, являются принадлежностью области коллективного бессознательного. Возникает вопрос, каким образом связаны архетипы с этническими константами и насколько сильна эта связь.

Само по себе наличие этой связи совершенно очевидно, так как и те и другие относятся к области бессознательного, существенным образом влияя и структурируя психическую деятельность человека, выполняя жизненно необходимую функцию психологической защиты от враждебного внешнего мира. И архетипы, и этнические константы непознаваемы по своей сути, неизменны и появляются в человеческом сознании в виде бесконечного многообразия содержательных образов. Существенным отличием можно считать то, что архетипы едины для всего человеческого рода, константы же считаются невариабельной основой самосознания отдельного этноса, так как являются результатом первичной адаптивной деятельности этнической группы по отношению к окружающей среде. Для дальнейшего рассмотрения качества и характера связи архетипов и этнических констант, представляется необходимым уделить некоторое внимание проблеме возникновения последних.

Как известно, существуют два пути освоения определенной группой людей окружающего их пространства, которые оказывают влияние на типологические характеристики образованной впоследствии культуры. Первый из них реализуется в попытках объяснить мир посредством перевода явлений действительности на язык, понятный человеку. Как указывает М.Ю. Лотман, этот процесс включает в себя основные стадии перевода текста с одного языка на другой, в данном случае на язык культуры. Для того, чтобы определенный исторический опыт, полученный в результате взаимодействия с миром, занял определенное место в структуре культуры, его необходимо, прежде всего, осознать и признать существующим, т.е. его следует отождествить с определенным элементом в языке запоминающего устройства. Далее оно должно быть оценено в отношении всех иерархических связей этого языка, после чего событие станет элементом культуры [3, с.488]. Второй путь заключается в структурировании хаотичного нагромождения фактов окружающей действительности, превращении «варварского» пространства в культуру. Обработка целинных земель с целью получения урожаев, постройка жилищ на пустынном месте, – все это может рассматриваться в качестве примеров второго подхода к адаптивному процессу. Независимо от того, какая из описанных возможностей была избрана в процессе освоения мира, важнейшая функция структурирования последнего и создания природной для существования человека социальной среды, закреплена за культурой.

Для выполнения этой роли культура должна содержать в себе некий код, язык, «работа» которого делает возможным преобразование действительности в элементы культуры. Совокупность этих элементов составляет память культуры, т.е. коллективную память членов данного общества, имеющую специфический характер в силу уникальности формирования каждого отдельного этноса. Следует упомянуть о том, что с того момента, как этническая группа связала свое существование с наличием постоянно расширяющейся ненаследственной памяти, она стала получателем информации, что потребовало постоянной актуализации такой кодирующей системы, которая, с одной стороны, могла бы сохранить единство памяти, оставаясь самой собой, а с другой – постоянно обновлялась бы, деавтоматизируясь во всех звеньях и этим предельно повышая свою способность впитывать информацию. Потребность постоянного самообновления, того, чтобы, оставаясь собой, становиться другим, составляет один из основных рабочих механизмов культуры [3, с. 501].

По мере накопления исторического опыта и увеличения объема коллективной памяти, некоторые ее элементы предаются забвению и вытесняются в область коллективного бессознательного этноса подобно тому, как из индивидуального сознания события переходят в индивидуальное бессознательное. Этой процесс регулируется иерархической системой ценностей, характерной для определенного поколения. Та информация, которая не была расценена как важная, была отвергнута, а на ее месте возникла новая, соответствующая значимой для данного этапа культурного развития аксиологической направленности. Это наводит на мысль об ограниченном объеме сознательной коллективной памяти, которая отражена в виде исторических текстов, что, однако, является важным условием существования культуры, так как лежит в основе ее обновления. Как известно, динамизм является неотъемлемой характеристикой культуры, которая изменяется вместе с развитием человека и общества.

Как уже указывалось, вся деятельность, направленная на познание и структурирование окружающего мира, имеет архетипическую основу. Вероятно, этническая обусловленность конкретных манифестаций архетипов объясняется своеобразием направленности адаптивного процесса, определенным типом культуры, неповторимостью центрального культурного кода, преобразующего явления действительности в элементы культуры для каждого отдельного этноса. Таким образом, архетипические образы, являясь составляющими коллективной памяти культуры, вытесняются в сферу бессознательного вместе с той информацией, которая не была расценена как значимая с аксиологических позиций определенного этапа культурного развития, и преобразуются в инвариантную основу этнической культуры – этнические константы. Нужно подчеркнуть первичность архетипов по отношению к этническим константам и тот факт, что последние задают лишь направленность архетипических образов. Так, архетипы находят свое отражение в бессознательных комплексах, константах, которые, конкретизируясь в определенных проявлениях в соответствии с иерархией ценностей, представляют собой основу этнической картины мира.

Этническая картина мира выполняет защитную функцию по отношению к обществу вообще и индивиду в частности. Она объясняет, структурирует, классифицирует и упорядочивает практически все явления окружающего мира, внушая единственно возможный способ видения мира с точки зрения данного этноса. Следует отметить, что этническая картина мира не представляет собой один из возможных вариантов видения мира, а осознается представителями этноса как естественный и единственно возможный. «Смысл ее заключается в неотъемлемости от реальной действительности как таковой. Носители культуры никогда не воспринимают и не могут воспринимать национальную картину мира как специфическую, культурно-обусловленную версию действительности. Для них она тождественна самому миру». [10,

с.102].

На настоящем этапе развития этнопсихологии нет опровержений данным о том, что отдельный представитель этнической общности и этнос в целом в действительности не имеют в своем сознании цельной этнической картины мира. Она представлена в виде отрывочных сведений о традициях, обычаях, нормах поведения, системе правил и запретов отдельной этнической культуры. Однако одним из свойств всякой культуры является снабжение коллектива интуитивным чувством структурности и возможностью трактовать как структуры явления такого порядка, структурность которых, в лучшем случае, не является очевидной. При этом оказывается, что в целом ряде случаев несущественно, является ли то или иное смыслообразующее начало структурой в собственном значении [3, с.487]. Достаточно, чтобы у представителей этноса существовала иллюзия о наличии структуры – целостной картины мира – для того, чтобы эта иллюзия спровоцировала проявление структурообразующих свойств. Общество при помощи идеологий защищает своих членов от жестокой правды бытия, этническая картина мира «фильтрует» информацию, поступающую в сознание таким образом, чтобы этническая общность имела согласованную и единую успокаивающую их картину действительности, что обеспечивает сохранность и устойчивость социальных структур.

Следствием того, что культура постоянно стремится к унификации, можно считать возможность преобразующего механизма культуры выделить из многообразия своих составляющих некую инвариантную основу, единую для всех производных от нее элементов. Совокупность таких «основ» каждого из структурных подразделений культурной модели составит некий конструкт, абстрактную модель действительности с позиций данной культуры. Такая модель или, другими словами, система этнических констант принадлежит сфере бессознательного и является залогом неповторимости и целостности культуры этноса, так как, будучи неосознанной, она выражается в бесконечности вариаций, становящихся достоянием сознания.

Если принять вышеизложенное за данность, то возникает резонный вопрос: каким образом неосознаваемые этнические константы передаются каждому последующему поколению, если они, как указывалось ранее, не являются наследственными. Вероятно, важную роль в этом процессе играет язык, обладающий структурирующими свойствами, способный отразить все явления культуры и немислимый вне ее, а также свод правил и запретов, получивших отражение в текстах культуры, осознаваемых как ценные на данном этапе исторического развития. Следствием этого может служить гипотеза о том, что архетипы различных видов, выявленные в результате условного подразделения единой системы архетипов, будут выражаться в архетипических образах, имеющих единое ядро, имманентно присущее исключительно данному этносу.

Таким образом, культура представляет собой самый совершенный из созданных человечеством механизмов по преобразованию опыта в информацию. Помимо хранения и передачи информации, этот механизм позволяет постоянно увеличивать ее объем, залогом чего является его самоусложнение и развитие. Это может служить объяснением тому, что культура одновременно проявляет черты стабильности и динамизма.

Очевидно, что одним из проявлений тенденции структурирования и классификации можно считать стереотипы. Стереотипные представления о чужой культуре, являясь социально-психологическими механизмами, облегчают восприятие незнакомых или малознакомых явлений иной культуры, позволяя быстро, просто и надежно категоризировать, упрощать социальное окружение индивида [4, с.109]. Автостереотипы, т.е. стереотипные представления о собственном этносе также являются проекциями этнических констант и находят отражение в этнической картине мира. Стереотипы о различных этнических общностях приписывают им набор характерных черт, эмоций, ролей, способностей и интересов. Стереотипы о чужой культуре всегда формируются и воспринимаются через аксиологическую призму собственной культуры, что естественным образом приводит к искажению информации.

Этнологи подчеркивают беспристрастность взглядов на свой и на чужой этнос и важную роль, выполняемую стереотипами в процессе межэтнического взаимодействия: «Человеку свойственно преувеличивать достоинства своего этноса и преуменьшать достоинства других. Например, то, что у себя называется экономностью, у других будет скупостью; настойчивость у себя трактуется как упрямство у других и т. д. В этом проявляется феномен стереотипа - упрощенного, схематизированного, эмоционально окрашенного и чрезвычайно устойчивого образа какой-либо этнической группы и общности, распространяемого на ее представителей. Появление стереотипов обусловлено реализацией принципа экономии мышления, согласно которому людям психологически легче характеризовать обширные человеческие группы недифференцированно, грубо и пристрастно. Эти стереотипы усваиваются в детском возрасте, и дети используют их задолго до приобретения ясных представлений о тех этнических группах, к которым они относятся. Изменения стереотипов происходят редко, медленно и тяжело. Они проявляются на поведенческом уровне при отсутствии явной враждебности между группами, но играют доминирующую роль в реальном поведении индивидов, доходя до откровенной враждебности при обострении отношений.

Стереотипы есть необходимое зло, присущее человеку изначально. Они неизбежно искажают реальность, которую пытаются отразить. Но как бы мало они не соответствовали действительности, они есть факт психической реальности, определяющий этнические отношения независимо от того, отвечают они действительности или нет» [Садохин А.П., Этнология, с.149].

Рассмотрим один из наиболее частотных стереотипов о представителях русской культуры, а именно патриотизм. Следует отметить, что эта черта с точки зрения русской, и, вероятно, шире - славянской культуры занимает одно из главных мест в иерархии ценностей. Это нашло свое отражение в языке, выразившись в огромном количестве эмоционально окрашенных слов и словосочетаний, отражающих любовь к родине: родина, родная сторона (сторонка), родина-мать, отчизна, отечество, мать-земля и т.д. Любовь к родине побуждала целые поколения писателей, художников, музыкантов сделать ее центральной темой своего творчества. Она защищала, берегла, вдохновляла, указывала, направляла. Родина притягивает и внушает безоговорочную, непреодолимую любовь. Она представляет собой такую ценность, потому что

человек, рождаясь, именно здесь впервые ощущает себя в кровнородственной связи с окружающими и умершими поколениями. Здесь он осознает себя как часть окружающего мира, здесь обретает друзей, овладевает родным языком и среди родных и близких осознает свой внутренний мир, становясь носителем традиций, обычаев родной культуры, языка, испытывая чувство защищенности и любви к родным местам, людям, «корням».

Образ родины – это территория «своего» пространства в исконном противопоставлении чужому, неизвестному, а потому враждебному. Родина бессознательно воспринимается как мать, прародительница, являясь архетипическим образом, манифестацией архетипа матери, принявшего в русской культуре именно такой образ в силу своеобразия формирования и развития этнической культуры. Неслучайно, все качества родины: кормилицы, поилцы и защитницы, – это характеристики матери.

Как и каждый архетип, архетип матери имеет поистине невообразимое множество проявлений. Общим для него, как указывает К.Г. Юнг, есть нечто «материнское»: ... магический авторитет всего женского, мудрость и духовная высота по ту сторону рассудка; нечто благостное, дающее пристанище, нечто чреватое, несущее в себе что-то, подательница роста, плодородия и пропитания; место магического преосуществления и возрождения, содействующий и помогающий инстинкт или импульс; нечто потаенное и сокрытое, нечто темнодремучее, бездна, нечто обольщающее и отравляющее, возбуждающее страх и неизбежное [1, с.129]. Список этих свойств остается открытым, так как указанные здесь присущи уже имеющимся архетипическим образам, производным от архетипа матери, всего же их существует неограниченное множество и, следовательно, возможных качеств. Хотелось бы подчеркнуть противоречивость этих характеристик: наряду с благостной ролью кормилицы и защитницы мы сталкиваемся с ее непознаваемостью, мистичностью, «темнодремучестью». Такая дуалистичность является основой целостности архетипического образа.

Концепция «родина» также включает в себя эту двойственность. Она до конца непознаваема рассудком не только представителями других культур, но и теми, кто считает себя ее частью. Родину-матушку, которая сочетает в себе материнскую ласку и тепло, мудрость и всепрощение, а также мистичность той обители, где дается жизнь и куда возвращаются после смерти, любят безоговорочно. Родина – в основе замкнутого круга мифологических превращений, то место, куда стремятся и возвращаются, неслучайно тоска по родине находит такой живой отклик в душе представителей русской культуры. Широкие географические просторы еще более добавляют ей могущества, величия, открытости, и в то же время умножают ее силу и мощь. С другой стороны, женственность этого образа предполагает слабость, уступчивость – отсюда стремление народа ее защитить, также нашедшее отражение в языке: «на защиту родины, защита отечества, родина в опасности» и т.д. Возможно, широта просторов родины сообщается и ее народу, определенным образом выражаясь в открытости чувств, и такой же нескрываемой, с обилием теплых слов и положительных эмоций, любви к родной стране.

Несомненно, эта информация, выражающая этническую специфику отношения к родине, содержится в этнических константах, причем этот образ как источник добра является важнейшей составляющей содержания бессознательных образов, определяющих своеобразие каждой этнической культуры.

Патриотизм более сдержанных в выражении своих эмоций относительно реалий окружающего мира англичан в значительно мере отличается от всепроникающей и объединяющей любви к родине в русской культуре. Вернее, различны не сами концепции «патриотизма», варьируются ее проявления в каждой этнической культуре. Характерное для них стремление скорее недосказать, чем сказать лишнего, чрезмерно эмоционально выказать свои чувства, отражается и в языке, который, как известно, несет в себе структурные конструкции, заложенные в этнических константах. Английскому языку не присуще такое разнообразие названий родины, как русскому, наиболее частотным является *this country*. Даже само слово *morterland* употребляется редко и чаще всего не по отношению к своей стране; нет, или весьма слабо выражена ностальгия, снедающая душу представителей русской культуры, находящихся за рубежом. Это отнюдь не означает, что англичане не испытывают любви к своей стране. Они просто склонны проявлять обычную свою сдержанность и в отношениях с родиной. А патриотизм проявляется несколько иначе – в тщательном оберегании своей культуры от всего чуждого, иностранного. Испокон веков все иностранное воспринималось ими как враждебное, несущее в себе угрозу собственной культурной специфике, а потому решительно отторгалось. В этом пункте также привлекают внимание различия сравниваемых культур. Русскому сознанию свойственен интерес и скорее доброжелательность по отношению к иностранному (нужно оговориться, что на различных этапах исторического развития приоритеты внешней политики менялись, мы же рассматриваем это свойство как национальную черту), чем его резкое неприятие. Однако именно таким образом англичане выражают свою любовь к родине, которая не воспринимается ими как мать, а скорее как страна, в которой родились. Таким образом, становится очевидным то, что система этнических констант, лежащая в основе духовной культуры этноса, оказывает существенное влияние на формирование образов являющихся этнической конкретизацией общечеловеческих архетипов.

Данная работа представляет собой попытку анализа взаимосвязи таких понятий как «архетип», «этнические константы» и «этнически обусловленные архетипические образы». В ней рассматривается своеобразие архетипических образов, посредством которых может быть выражен единый для всего человечества архетип матери, проходя через призму этнической культуры. Уделяется внимание проблеме закрепления этих образов в комплексе этнических констант, определяющих этническую картину мира и, следовательно, культурное своеобразие этноса.

Источники и литература

- 1 К.Г. Юнг. Бог и бессознательное. – М.: «Олимп», 1998. – 408 с.
- 2 К.Г. Юнг. Душа и миф. Шесть архетипов. – К.: «Port Royal», 1996. – 384 с.

- 3 Швецова А.В. Национальный характер як феномен культуры. – Симферополь: «Таврия», 1999. – 265 с.
- 4 Лотман Ю.М.. Семиосфера. – Спб.: «Искусство-СПБ», 2000. – 704 с.
- 5 Иконникова Н.К.. Восприятие межкультурных различий в ситуации контакта культур // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. II. Вып.3(4). – С.104–122.